

Черных И.Д.

РЕВОЛЮЦИИ ПЕРИОДА «ПРОБУЖДЕНИЯ АЗИИ»:

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В современном востоковедении социокультурная специфика азиатских стран является объектом активного изучения. В ведущихся дискуссиях весомое место занимают проблемы социокультурной истории Китая, Ирана и Турции. Для этих стран современный вектор модернизации связан с поиском адекватных путей социально-экономического и политического развития, сохранением культурного генокода и самоидентификации. Без изучения специфики социокультурных процессов происходивших в Китае, Иране и Турции в первый период их модернизации, не возможно составить адекватное представление о характере и сущности их современной истории. Ключевым моментом первого периода модернизации этих азиатских стран были революции начала XX в., Синьхайская 1911-1913гг., младотурецкая 1908-1909гг. и иранская 1905-1911гг.

Марксистский и позитивистский подходы к анализу исторических явлений, несмотря на определенную результативность, не позволяет выявить определяющих факторов исторических реалий азиатских обществ. Данное положение имеет непосредственное отношение к изучению азиатских революций начала XXв. В советской исторической литературе революции эпохи «Пробуждения Азии» рассматривались как результат и проявление классовой борьбы, оценивались как буржуазные, антифеодальные и антиимпериалистические. Утверждалось, что главной движущей силой этих революций были народные массы: крестьянство, рабочий класс, городская беднота и мелкие ремесленники и т.д., особо подчеркивалась непоследовательность и двойственность национальной буржуазии, ее

«боязнь народных масс». [1] Решая задачу исследования названных революций, историки, сосредоточив внимание на поисках в социальной стратификации азиатских обществ буржуазии и пролетариата, оставляли без должного анализа другие слои общества. При этом преувеличивалась степень влияния западной политико-философской мысли на лидеров азиатских революций периода «Пробуждения Азии»

Перед азиатскими революциями начала XX в., соответственно данной трактовки, объективно стояли задача разрушения феодальных социально-экономических порядков и ликвидация зависимости стран от иностранных держав [2; 3; 4].

Подчеркнем, еще в 70-е годы преобладающая в советской историографии оценка азиатских революций начала XX в. подвергалась по вполне понятным причинам корректной, но достаточно аргументированной критике со стороны востоковедов.

Обобщение значительного эмпирического материала, позволило некоторым советским востоковедам применить дифференцированный подход к изучению национально-освободительных движений. Представители этого направления Такие востоковеды как Л.А. Березный, С.Г. Агаев, О.Е. Непомнин, А.В.Меликсетов на основе фактического материала показали неразвитость капиталистического уклада в Китае и Иране. Было доказано, что минимума социально-экономических предпосылок собственно для буржуазных революций в этих странах не было, так как основным руслом общей их эволюции стало не появление буржуазных тенденций, а создание социально-экономических структур смешанного плана. В начале XX в. в Китае и тем более в Иране процесс выделения национальной буржуазии как слоя со своими особыми политическими позициями только начинался. В Османской империи этот слой был представлен инациональной буржуазией [5; 6; 7; 8]. Соответственно в качестве гегемона и движущих сил азиатских революций выступали классы и слои, не переросшие еще социальную структуру традиционного общества. Упомянутые выше

историки акцентировали внимание и на том факте, что в ходе азиатских революций не были выдвинуты четкие антиимпериалистические программы, иначе говоря, ставили под сомнение их «антиимпериалистический» характер. Пытаясь удержаться в рамках формационного подхода, эти востоковеды определили азиатские революции начала XX в. как ранние буржуазные революции, происшедшие в условиях существования развитой мировой капиталистической системы.

Н.А.Симония революции периода «пробуждения Азии» определил как политические революции, которые, лишь обозначили «вехи общественной модернизации». Победоносного завершения такого рода революции означало создание подлинной суверенной государственности. Таким образом, события периода «Пробуждения Азии» определялись как «первичные политические» национально-освободительные революции [9; 10].

Характеристика азиатских революций начала XX в., представленная в современной российской и отечественной исторической литературе, принципиально не отличается от распространенной в советской историографии 70-80-х гг. Революции начала XX в. в Азии трактуются как попытка вестернизации. Иран, Китай и Османская империя рассматриваются преимущественно сквозь призму внешнего фактора воздействия на революции начала XX в. в этих странах.

Историческая ситуация, сложившаяся в мире в конце XIX в. начале XX века, характеризуется исключительной спрессованностью локальных войн и революций. Менее чем за 30 лет произошло десятков войн и революций. Каждое из этих событий-фрагмент из прелюдии к Первой мировой войне. Войне, которая была вызвана как обострением внутренних социальных противоречий в ряде стран, так и глобальной перегруппировкой сил на международной арене. В условиях, когда на международных отношениях возобладал силовой фактор, движение в азиатских странах за укрепление своей государственности вполне закономерно. Азиатские общества начала XX в. объединяла общая задача необходимости реакции на вызов западной

цивилизации, но решалась эта задача в контексте традиционной социокультурной самоидентификации. Эта специфика может быть рассмотрена в контексте анализа тех слоев общества, которые осуществляли руководство революциями.

Носителем идеологии Синьхайской 1911-1913гг. в основном была традиционная интеллектуальная элита, некоторые представители которой получили европейское образование. Стремление свергнуть маньчжурскую династию и укрепить китайскую государственность объединяло практически все слои китайского общества. Однако после упразднения маньчжурской династии и установления республики, в руководящая элита распалась на две конкурирующие группы. Части китайской бюрократии во главе с президентом Юань Шикаем, используя властные функции, укрепляла позиции правительства и игнорировала парламент. Парламентская оппозиция, лидером которой был Сунь Ятсен, стремилось к расширению своих полномочий. Однако, рассматривать этот конфликт, как принято в отечественной и российской исторической литературе, в контексте противостояния носителей «консервативного» и «прогрессивного» нет оснований. Данный конфликт, скорее конфликт интересов, чем ценностей.

Сунь Ятсен, как и Юань Шикай, был твердо убежден в превосходстве китайской культуры над европейской, восточной морали над западной. Китай, по мнению Сунь Ятсена, в политике руководствовался высоконравственными принципами и именно поэтому еще в древности стал большим, непревзойденной по своей силе государством. Китайцам, как считал Сунь Ятсен, надо изучать не политическую философию Запада, а только его научно-технические достижения. Общественно-политической мысли древнего Китая отдавал Сунь Ятсен приоритет в разработке идеалов лучшего, изысканного устройства государства, общества, в определении моральных норм человеческих отношений. Лозунг «Свобода, равенство и братство» наиболее концентрированно выражает революционные идеи Запада, в условиях Китая интерпретировался им как свержение

маньчжурской династии, образования республики, установление равных прав на землю. Сунь Ятсен считал революцию народовластия только политической революцией. «Свобода» в понимании Сунь Ятсена отличалась от европейского варианта этого понятия (индивидуальная свобода). В трактовке Сунь Ятсена «свобода» означала частичное отказ от индивидуальной воли с целью возрождения китайской государственности и укрепление национального суверенитета Китая [11; 12]. Современные западные востоковеды признают, что идеология Сунь Ятсена не является копией западных образцов и соответственно новая парадигма мышления и новое восприятие отношений между личностью и государством разрабатывались Сунь Ятсеном на основании китайских древних идей [13]. Специфика китайской ментальности, обуславливает восприятие новшеств только сквозь призму традиции.

Социокультурные традиции обусловили и специфику Иранской революции 1905-1911 гг. В 90-е годы XIX в. в среде шиитского духовенства начали распространяться антишахские настроения. Шиитское духовенство выступало как самостоятельная сила, способная противостоять шахскому режиму и влиять на общественно-политическую жизнь страны. Отметим, представители иранской интеллигенции, подчеркивая необходимость значительных реформ в обществе, отводили шиитскому духовенству в этом процессе главную роль. Антизападные потенции духовенства, его конфронтация со светской властью, партнерство с купечеством и непререкаемый авторитет среди широких народных масс позволил шиитским улема возглавить революцию 1905 - 1911 гг. Шиитское духовенство не возражало против заимствования у европейцев "умных" нововведений, но подчеркивало, что они должны быть проведены в соответствии с нормами шариата. Следует подчеркнуть, что даже те западные исследователи, которые не проявляют симпатии к иранского духовенства, признают его доминирующее влияние на народные массы. Более того, эти авторы вынуждены были констатировать что, крестьянство, «антиконституционное

по своей сути», не выступило против введения конституции исключительно благодаря духовенству [14; 15]. Именно шиитские теологи репрезентовали идею исламской конституционной монархии, реализации которой в определенной степени препятствовали, как наиболее консервативные круги светской бюрократии, так и не четко выраженное направление, связанное с российской социал-демократией. Однако, именно шиитская политическая традиция выступала как объединяющий фактор и большинство населения безусловно были ее сторонниками. Главным препятствием на пути установления шиитской конституционной монархии было вмешательство России и Англии, поделивших страну на сферы влияния.

В Османской империи результативность младотурецкой революции 1908-1909гг. изначально была связана с национальным вопросом, который предопределил наличие двух направлений в младотурецком движении. Военная бюрократия собственно турецкого происхождения единственным способом сохранения Османской империи, считала усиление центральной власти при формальном сохранении конституционных свобод. Альтернативное направление, объединившее часть турецкой интеллигенции и широкий спектр инонациональной политической элиты, ориентировалась на конфедеративное устройство Османской империи. Единство было достигнуто только в вопросе необходимости восстановления конституции и ограничении султанской власти. В результате младотурецкого переворота 1908 г. к власти фактически пришли представители военной бюрократии: комитет «Единение и прогресс», имевшие в своем распоряжении единственно реальную силу - армию. В их стремление сохранить целостность Османской империи именно армия играла ведущую роль. Формально после восстановления турецкой конституции и её последующего обновления, пропаганда идей османизма (единства и равенства всех жителей Османской империи) усилилась особенно в балканских провинциях. Но большинство членов правящей партии были фактически носителями идей либо тюркизма либо исламизма. Таким образом, очевиден маргинальный характер

представителей, той политической элиты, которая установила в Османской империи младотурецкий режим.

Примечания:

1. История стран Азии и Африки в новое время. - Ч.2. - М., 1991. – С. 11, 42, 238, 253.
2. Чудодеев Ю.В. Синьхайская революция в Китае // Историография стран Востока (проблемы нового времени). - М., 1978. - С. 181-184.
3. Иванов М.С. Иранская революция 1905-1911 гг. // Историография стран Востока (проблемы нового времени). - М., 1978. - С. 228-229.
4. Шпилькова В.И. Историография младотурецкой революции (1908-1909гг.) // Историография стран Востока (проблемы нового времени). - М., 1978. - С. 247-249.
5. Березный Л.А. О некоторых проблемах истории Синьхайской революции // Народы Азии и Африки. - 1971. - № 5.- С. 57-62.
6. Агаев С.Л. Иранская революция 1905-1911 гг. (к типологии революций эпохи «пробуждения Азии») // Народы Азии и Африки. - 1975. -№ 4. - С. 55-68.
7. Непомнин О.Е. Китайская буржуазия накануне Синьхайской революции (проблема социальной общности) // Государство и общество в Китае. - М., 1978. - С. 190-206.
8. Меликсетов А.В. К вопросу о генезисе капитализма в Китае // Государство и общество в Китае. - М., 1978. - С. 158- 189.
9. Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975. - С. 227-229.
10. Симония Н.А. Вопросы формационного перехода в антагонистических обществах Востока в современную эпоху // Народы Азии и Африки. - 1983. - №2. - С. 55-59.
11. Делюсин Л.П. Идеи паназиатизма в учении Сунь Ятсена о национализме // Китай: традиции и современность М.: Наука, 1976. - С. 168-183.
12. Меликсетов В.А. Социально-экономические взгляды Сунь Ятсена:

происхождение, развитие, сущность // Китай: государство и общество. - М., 1977. - С. 121-152.

13. Джозеф С. Ву. Сунь Ятсен (Сунь Исянь) // Великие мыслители Востока / Пер.с англ. - М., 1999. - С. 167-171.

14. Keddie Nikki R. Iranian Revolution in Comparative Perspective // The American Historical Review, 1983. - Vol 88. – pp. 580-587.

15. Hamid Algar. Religion and the State in Iran, 1785-1806. The Role of the Ulama in the Qajar Period. – N-Y: Berkeley, 1969. - P. 56.